

Союзники в борьбе с нацизмом

У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932—1933 гг.)

Александр Вершинин

Origins of the Soviet—French military collaboration:

B.M. Simonov's mission to France (1932—1933)

Aleksandr Vershinin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010143-8

«Невероятный союз» — так современные историки часто характеризуют попытки советско-французского сближения в межвоенный период. Несмотря на столь однозначную формулировку, причины неудачи этого процесса по сей день остаются одной из острых тем дискуссии о предыстории Второй мировой войны. Этот интерес понятен. Потенциальный военно-политический блок СССР и Франции, по замечанию французского историка Ф. Гельтона, в 1930-х гг. «наверняка изменил бы ход истории»¹. «Только Советский Союз мог обеспечить возможность войны на два фронта, необходимую для того, чтобы гарантировать безопасность Франции», — поясняет эту мысль британский исследователь З. Штайнер².

Однако вопрос о степени готовности двух сторон к созданию полноценного союза по типу франко-русского альянса накануне Первой мировой войны пока не нашёл ответа. Отечественная историография традиционно возлагала ответственность за провал переговоров на французскую сторону. Советские историки утверждали, что внешняя политика Парижа, обусловленная классовыми интересами буржуазии, преследовала цель направить гитлеровскую агрессию на Восток. Официозная «История Второй мировой войны» отмечала: «Курс на франко-советское сотрудничество против агрессии натолкнулся на противоположную тенденцию — антисоветского сговора с Германией. Его активно поддерживали французские политические деятели и дипломаты, связанные с крупнейшими металлургическими и химическими монополиями, которые были заинтересованы в получении больших прибылей от перевооружения Германии и руководствовались антисоветскими устремлениями»³. Схожую точку зрения выражали и другие историки, хотя в целом проблематика европейской безопасности в первой половине 1930-х гг. оказалась на периферии их внимания по сравнению с сюжетами 1938—1939 гг.

© 2020 А.А. Вершинин

Статья подготовлена при содействии гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских учёных — кандидатов наук (проект МК-6084.2018.6).

¹ *Gueltou F. Les relations militaires Franco-Soviétiques dans les années trente // La France et l'URSS: dans l'Europe des années 30 / Dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. P., 2005. P. 72.*

² *Steiner Z. The triumph of the Dark. European international history, 1933—1939. Oxford, 2011. P. 408.*

³ История Второй мировой войны в 12 томах. Т. 1. М., 1973. С. 285.

Российские исследователи во многом скорректировали взгляды своих предшественников. Так, А.В. Шубин отметил объективную обоснованность взятого Францией курса на сближение с СССР и подчеркнул, что его провал стал результатом обстоятельств, во многом не зависевших от Парижа⁴. Ту же мысль выразил М.И. Мельтюхов⁵. С другой стороны, опираясь на новые архивные источники, исследователи начинают переосмысливать суть советской внешней политики на европейском направлении. Так, С.З. Случ подчеркнул сложность международной игры, которую с начала 1930-х гг. вела Москва. По его мнению, курс на союз с западными демократиями никогда не рассматривался Кремлём как безусловный. И.В. Сталин не оставлял попыток так или иначе прийти к нормализации отношений с Германией. Предотвращение военной угрозы не рассматривалось руководством СССР как самоцель и всегда соотносилось с внешнеполитическим интересом — в том его виде, в каком его понимал прежде всего сам Сталин⁶. Однако и современные российские историки концентрируются на событиях последних предвоенных лет. Первые попытки СССР договориться с западными демократиями, пришедшиеся на 1930—1935 гг., остаются малоизученными.

В зарубежной историографии также затронута проблематика советско-французского сотрудничества⁷. Наглядно показано, что, несмотря на перспективы нормализации двусторонних отношений с последующим выходом на рабочее взаимодействие, существовали фундаментальные ограничения, мешавшие реальному сближению. В их числе — идеологические противоречия, сдержанность французского общественного мнения и элит, внутривнутриполитические проблемы Третьей республики, отсутствие у лиц, принимавших внешнеполитические решения, адекватной информации о Советском Союзе и целях его руководства⁸.

Однако большинство зарубежных исследований посвящено объяснению того, почему французская сторона не смогла или не пожелала выстроить партнёрские отношения с СССР. В том, что касается позиции советского руководства, до сих пор немало белых пятен. Несмотря на ряд работ, написанных на материалах российских архивов⁹, до сих пор нет цельной картины мотивов, которыми руководствовалась Москва в выстраивании отношений с Парижем. Особое место занимает вопрос о военном сотрудничестве между двумя странами.

---

⁴ Шубин А.В. Мир на краю бездны. М., 2004. С. 169—172.

⁵ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 37.

⁶ Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933—1941: расчёты и просчёты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1.

⁷ Les relations Germano-Soviétiques de 1933 a 1939 // Coord. J.-B. Duroselle. P., 1954; Duroselle J.-B. Louis Barthou et le rapprochement Franco-Soviétique en 1934 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1962. Vol. 3. № 4; Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 a nos jours. P., 1993; Girault R. Les relations Franco-Soviétiques a la veille de la Seconde Guerre mondiale: bilan des années 1937—1940 // Revue des études Slaves. 1977. T. 50, fasc. 3; Mourin M. Les relations Franco-Soviétiques de 1917 a 1967. P., 1967; Scott W.E. Alliance against Hitler. The origins of the Franco-Soviet pact. Durham (N.C.), 1962.

⁸ Carley M.J. 1939: the alliance that never was and the coming of World War II. Chicago, 1999. P. XIII—XX.

⁹ Dullin S. Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe. P., 2001; Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations Franco-Soviétiques et le facteur Polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924—1935). Bruxelles, 2009; Belooussova Z. L'Union Soviétique et les problemes Européens: années 1933—1934 // La France et l'URSS...; Narinski M. Les relations entre l'URSS et la France // La France et l'URSS...

Достаточно подробно изученный в том, что касается действий французов¹⁰, он мало освещён с точки зрения интересов, целей и задач советского военно-политического руководства¹¹.

В то же время именно военный аспект советско-французских контактов показывает, как именно смотрели на Францию в Москве. Дипломатические связи выстраивались при активном участии Наркомата иностранных дел и его главы М.М. Литвинова, испытывая на себе известное влияние его воззрений на то, какие цели стоят перед советской внешней политикой. Взаимодействие же с Западом в военной сфере оставалось «заповедной территорией» высшего руководства страны. Дипломаты часто оставались в стороне от принятия ключевых решений, а военные атташе, несмотря на введение в 1934 г. единоначалия полпредов над всем штатом зарубежных миссий, отчитывались непосредственно наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову, входившему в «ближний круг» Сталина. В 1930-х гг. это ведомство направляло во Францию военные миссии, которые действовали во многом независимо от полпредств.

Важным эпизодом начального периода советско-французского сотрудничества накануне Второй мировой войны стала миссия Б.М. Симонова в конце 1932 — начале 1933 г., направленная с целью изучения возможности развития военно-технических контактов с Парижем и установления связей с военно-политическим руководством страны. Симонов стал первым официальным представителем Красной армии, посетившим Францию, и руководство СССР возлагало на него особую ответственность. До сих пор эта миссия остаётся белым пятном в истории советско-французских отношений. М. Вайс назвал её «сверхсекретной»: все сведения о ней исчерпывались несколькими докладными записками, поданными подполковником Ж. де Латром де Тассиньи на имя командующего французской армией генерала М. Вейгана. Задачи Симонова, его контакты с Москвой, детальный ход переговоров в Париже оставались невыясненными. Однако документы, найденные в российских архивах (РГАСПИ, РГВА, АВП РФ), позволяют подробно осветить ход и результаты его работы в контексте общего развития советско-французских отношений в начале 1930-х гг.

---

¹⁰ *Alexander J.* The Republic in danger: general Maurice Gamelin and the politics of French defence, 1933—1940. Cambridge, 1992; *Bach A.* Le colonel Mendras et les relations militaires Franco-Soviétiques: 1932—1935, mémoire de maîtrise d'Histoire. Vol. 1. P., 1981; *Buffotot P.* The French high command and the Franco-Soviet alliance 1933—1939 // Journal of strategic studies. 1982. Issue 4. Vol. 5; *Burriana D.* Les rapports politico-stratégiques Franco-Soviétiques, 1930—1934: naissance d'une alliance manquée? // Cahiers du centre d'études d'histoire de la défense. 1999. № 3; *Dessberg F.* L'Union soviétique où l'impossible allié (1922—1941) // Dessberg F., Malis C., Davion I. (dir.) Les Européens et la guerre: actes des colloques organisé du 24 et 25 novembre 2010 a Coëtquidan et du 15 septembre 2011 a Paris. P., 2013; *Guelton F.* Jean de Lattre de Tassigny et les relations Franco-Soviétiques au debut des années trente // Revue Historique des Armees. 2002. № 2; *Guelton F.* Les relations militaires Franco-Soviétiques dans les années trente // La France et l'URSS...; *du Réau E.* Jean de Lattre de Tassigny, collaborateur du général Weygand // Bulletin de la Société d'histoire moderne. 1982. Seizième série. № 15; *Vansse M.* Les militaires Français et l'alliance Franco-Soviétique au cours des années 1930 // Forces armées et systèmes d'alliances. Montpellier, 1981; *Vidal G.* Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917—1939. Rennes, 2015.

¹¹ *Castellan G.* Reichswehr et Armée Rouge 1920—1939 // Les relations Germano-Soviétiques de 1933 a 1939; *Erickson J.* The Soviet high command. A military-political history, 1918—1941. N.Y., 2001; *Дессберге Ф., Кен О.Н.* 1937—1938: Красная армия в донесениях французских военных атташе // Вопросы истории. 2004. № 10.

Активизация межгосударственных контактов вызывалась серьёзными изменениями во внешней и внутренней политике двух стран. Советская дипломатия имела веские причины искать пути сближения с Францией. «Подобно тому, как Германия, благодаря Локарнским соглашениям и вступлению в Лигу Наций, вышла из изоляции, в которой оказалась в начале 1920-х гг., точно так же Литвинов в начале 1930-х гг. считал необходимым попробовать завоевать для СССР место на европейской дипломатической сцене», — объясняет её мотивы С. Дюллен¹². Несмотря на полосу признания Советского Союза в середине 1920-х гг. и установление особых отношений с Берлином после подписания Рапалльского договора (1922), страна находилась в международной полуизоляции.

К тому же советско-германские отношения начали деградировать ещё до прихода к власти Гитлера¹³. Политика в духе Рапалло имела перспективы лишь до тех пор, пока Германия оставалась за рамками Версальско-Вашингтонской системы. Постепенная интеграция в неё делала для Берлина «советское направление» внешней политики второстепенным. Над отношениями между СССР и Францией также довлел груз недоверия, уходящего корнями в годы революции и Гражданской войны. Именно он препятствовал качественному улучшению двусторонних отношений в 1920-е гг. Однако во французской политике действовали силы, заинтересованные, как минимум, в их нормализации. Сделав на них ставку, можно было попытаться добиться расширения каналов связи с Западом. Диверсификация этих каналов становилась всё более важной по мере того, как набирала темпы сталинская индустриализация и всё более явственно ощущалась потребность в западных технологиях и капиталах.

Корни поворота французской внешней политики в сторону сближения с СССР хорошо отражены в литературе. Обобщая их, Э. дю Рео выделяет три группы причин¹⁴. Первая лежит в сфере экономики: разгоравшаяся Великая депрессия заставляла французские деловые круги искать новые рынки сбыта продукции. Советский Союз мог бы стать таким рынком, в частности для владельцев военных производств. Вторая — политическая: меняющийся расклад сил в Германии, в особенности рост влияния нацистов, ставил под угрозу всю политику франко-германского примирения, осуществлявшуюся со времени подписания Локарнских соглашений. Не способствовало её развитию и заключение германо-австрийского таможенного союза в 1931 г. — явный намёк на возможный аншлюс. Такая обстановка также подталкивала к диалогу с Москвой.

Третья причина важна для понимания как позиции Парижа, так и линии поведения Москвы. С точки зрения советской дипломатии, ключевым препятствием к развитию отношений являлась постоянная нестабильность правительств Третьей республики¹⁵. Рассчитывать на долгое пребывание у власти кабинета, благоприятно настроенного к СССР, было проблематично. Поэтому

¹² Dullin S. Des hommes d'influences... P. 118.

¹³ Haslam J. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933—1939. L., 1984. P. 6.

¹⁴ Du Réau E. Du plan Briand au traité de non-agression franco-soviétique. Les relations Franco-Soviétiques au début des années trente: vers un rapprochement des deux Etats (1930—1933) // L'URSS et l'Europe dans les années 20. Actes du colloque organisé à Moscou les 2 et 3 octobre 1997 / Dir. de M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. Tchoubarian. P., 2000. P. 169.

¹⁵ Carley M.J. A Soviet eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924—1940 // Diplomacy & Statecraft. 2006. Vol. 17. Issue 2. P. 314.

особую важность приобретало наполнение двусторонних контактов конкретным содержанием. Военное сотрудничество могло явиться ключевым компонентом новых советско-французских отношений, придать им необходимую устойчивость¹⁶.

В мае 1933 г., уже после официального обмена военными атташе, заместитель наркома по иностранным делам Н.Н. Крестинский инструктировал поверенного в делах в Париже М.И. Розенберга: «Надо, чтобы и т. Довгалецкий (полпред СССР во Франции в 1927—1934 г. — *А.В.*), и Вы лично познакомились с руководящими военными, встречались с ними, приглашали их к себе, бывали иногда на приёмах у военного министра... Если и правительственные, и военные круги будут видеть, что мы не избегаем контакта с военными кругами, они будут с большим доверием относиться к нашим заявлениям о стремлении к миру, о желании иметь дружественные отношения с Францией и её союзниками, будут меньше доверять рассказам о советско-германском военном сближении»¹⁷.

Сближение должно было опираться на мощный фундамент советского присутствия в различных сферах внутренней жизни Третьей республики¹⁸. Однако свою роль здесь играло не только желание дипломатов подвести под сотрудничество серьёзную основу. Высшие руководители СССР, санкционировавшие политику диалога с Западом, продолжали относиться к нему с подозрением. Ещё в июне 1930 г., выступая на XVI съезде ВКП(б), Сталин называл Францию «самой агрессивной и милитаристской страной из всех агрессивных и милитаристских стран»¹⁹. На его стол ложились отчёты разведки, которые рисовали достаточно тревожную картину настроений, господствовавших в умах французского военного командования²⁰. Если дипломаты, говоря о необходимости проникновения в военные круги Франции, думали в первую очередь о расширении влияния на общественное мнение и политическую элиту страны, то для сталинского окружения немаловажными оставались задачи сбора сведений о настроениях в среде высшего офицерства и проникновения во французскую армию. Эта работа шла не только по дипломатическим каналам.

Осенью 1932 г. в Париже активно действовал представитель советского торгпредства М.С. Островский, являвшийся доверенным лицом Ворошилова. Первый военный атташе СССР во Франции С.И. Венцов впоследствии отмечал, что Островский выполнял обязанности «негласного военного представителя»²¹ Москвы. Этот человек не имел формального статуса, позволявшего выступать от имени советского правительства. Переписка, которую он вёл с Москвой, шла в обход обычных дипломатических каналов. 26 декабря 1932 г. Ворошилов писал Сталину о ходе переговоров с представителями французской армии: «Дорогой Коба! Посылаю копию последнего письма т. Островского, прошу изучить, интересно. Островскому я ответил в духе наших разговоров»²².

Островский обсуждал с французами ряд важных вопросов, в первую очередь — возможный обмен военными атташе. Он взаимодействовал с группой

¹⁶ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 64, л. 6.

¹⁷ Там же, л. 7.

¹⁸ *Dullin S. Des hommes d'influences...* P. 120.

¹⁹ *Сталин И.В. Сочинения.* Т. 12. М., 1949. С. 256.

²⁰ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 185, л. 65—70.

²¹ Там же, д. 432, л. 139.

²² Там же, д. 431, л. 146.

офицеров и гражданских лиц, связанных с генералом Вейганом. Главную роль в ней играл полковник де Латр де Тассиньи. Он был энтузиастом советско-французского сближения, считая, что такое может гарантировать Францию от ренессанса Раппальской политики и обеспечить ей, как минимум, благожелательный нейтралитет СССР в случае конфликта между Германией и блоком восточноевропейских государств, который поддерживал Париж²³. Путь к этому открыло подписание 29 ноября 1932 г. советско-французского пакта о ненападении. По мнению де Латра, сближение в военной сфере (в частности, обмен военными атташе) позволило бы закрепить этот успех.

Де Латр был не чужд определённых амбиций и, разыгрывая «советскую карту», очевидно, пытался не только добиться реализации идей, в обоснованность которых верил, но и укрепить свои позиции в армейских кругах. Его стиль ведения переговоров, во всяком случае, говорит о том, что полковник вёл и собственную игру. Он старался всячески скрыть принципиальный момент: какая из сторон проявляла бóльшую заинтересованность в ходе переговоров. Это обстоятельство отнюдь не являлось второстепенным на фоне прохладных советско-французских отношений, отягощённых сложным прошлым и взаимными подозрениями. С одной стороны, он докладывал Вейгану, что советские представители изыскивают всяческие способы «ещё сильнее укрепить связь, которая только что была установлена», и, соответственно, интенсифицируют военные переговоры²⁴. При этом в разговорах с Островским он расставлял акценты иначе. «Из разговоров с де Латром выяснилось следующее: генеральный штаб во главе с Вейган поддерживают идею о скорейшем обмене с СССР военными атташе и настаивают на проведении этой идеи в жизнь». Комментируя предположение де Латра, что ведомственные препоны могут отложить обмен военными атташе до лета 1933 г., один из участников переговоров с французской стороны заметил, что Советы вполне могут позволить себе такую отсрочку, однако французской стороне «ждать пять—шесть месяцев никак невозможно»²⁵. Французы также намекали, что альтернативой соглашению с СССР для Парижа может стать сближение с Германией²⁶. Эти предупреждения Островский расценивал как попытки его «попугать» и, судя по всему, не считал серьёзными.

В целом, к переговорам с де Латром советская сторона подошла осторожно. Письма Островского Ворошилову свидетельствуют, что вывод об особой заинтересованности Москвы в заключении соглашения о военном сотрудничестве, сделанный полковником в докладах Вейгану, — заведомое преувеличение. Сама возможность использовать полковника для налаживания контакта с военными кругами Франции была осознана, видимо, не раньше ноября 1932 г. Именно этим временем датируется записка Ворошилова Сталину, поданная вместе с копиями донесений Островского и предлагающая «позондировать у Де-Латтра его мнение об обмене воен[ными] атташе»²⁷.

Советские дипломаты в Париже считали, что Москва может пойти на определённые имиджевые уступки. Французы, по мнению Довгалевского, не готовы взять на себя инициативу в деле запуска формальной процедуры обмена

²³ *De Latre de Tassigny J. Ne pas subir. Écrits 1914—1952. P., 1984. P. 133.*

²⁴ *Ibid. P. 135.*

²⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 431, л. 124—125.

²⁶ Там же, л. 148.

²⁷ Там же, л. 120.

атташе, так как это походило бы «в некотором роде на Каноссу». Советской стороне следовало бы помочь Парижу сохранить лицо и самой сделать первый шаг «в тот или иной момент, который мы сочтём наиболее благоприятным»²⁸. Впрочем, с окончательным решением не спешили: настойчивость французов, выступавших как полуофициальные лица, могла вселять определённую уверенность. Параллельно с переговорами, которые велись по линии Островского и через полпредство, во Францию отправилась военная миссия во главе с бывшим начальником Главного артиллерийского управления РККА Б.М. Симоновым. Решение о её отправке приняло Политбюро ЦК ВКП(б). Формально ставилась цель «посещения и ведения переговоров с фирмой Шнейдер—Крезо в отношении дивизионной артиллерии»²⁹, однако фактически преследовались более серьёзные цели. Советские дипломаты в переписке отмечали, что Симонов должен был способствовать расширению связей полпредства в военной сфере³⁰. Фактически переговоры о закупке отдельных образцов вооружения, безусловно важные сами по себе, рассматривались как повод для обсуждения советско-французских военных отношений на самом высоком уровне. При этом информация о поездке оказалась ограничена. «Не скрою от Вас неприятного изумления по поводу того, что Полпредство не было поставлено в известность Наркоминделом о миссии представителя военного ведомства, тов. Симонова. Для меня не подлежит сомнению, что Наркоминдел был в курсе этой миссии, которая безусловно носит гораздо более политический, чем коммерческий характер»³¹, — писал Крестинскому Довгалецкий.

Аппарат полпредства, тем не менее, сразу подключился к переговорам. Попытки Симонова достичь соглашения с фирмой буксовали. «Шнейдер отказывался продавать оружие Красной армии, ссылаясь на незначительные объёмы заказов, риск последующего копирования полученных образцов на территории СССР и возможные политические последствия подобной политики»³². Розенберг по согласованию с Симоновым апеллировал к военному министру Э. Даладьё. Тот брался поговорить с руководством фирмы, однако допустил, «что в определённых кругах (по-видимому, в военном министерстве и Генштабе) были и есть отдельные противники переговоров с нами, заявлявшие, что “Ну вот, теперь Советы будут нашими же снарядами убивать наших друзей и союзников — поляков”»³³. В качестве альтернативного варианта Даладьё предложил разместить советские заказы на казённых военных заводах³⁴.

Полпредство демонстрировало очевидный энтузиазм по поводу возможностей, открывавшихся с приездом во Францию миссии Наркомвоенмора. В докладе от 9 января 1933 г. на имя Сталина, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Литвинова, подписанном Симоновым, Розенбергом и торгпредом СССР во Франции М.Г. Гуревичем, вопрос ставился ребром: «Теперьшнее Правительство относится весьма положительно к установлению серьёзных связей с нами по линии военных заказов. Уже в теперешней стадии переговоров, кроме Министерства, принимает участие Генеральный Штаб. Это придаёт пе-

²⁸ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 14 об.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 14, л. 27.

³⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 64, л. 7.

³¹ Там же, д. 70, л. 13.

³² *Dullin S. Des hommes d'influences...* P. 120—121.

³³ РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 15.

³⁴ Там же, л. 29.

реговорам более солидный характер. Каково будет отношение Штаба при перемене Правительства — неизвестно. Отсюда вывод: создавшуюся благоприятную обстановку необходимо максимально использовать, всячески форсируя переговоры. Необходимо создать реальный факт в виде законченной коммерческой сделки, дабы дальнейшие отношения стали бы более независимы от временных перемен политической обстановки»³⁵.

Советские дипломаты в Париже имели непростой опыт ведения переговоров с французами (Довгалецкий жаловался, например, что те способны дважды полностью поменять позицию даже в присутствии стенографистов³⁶). Именно поэтому они настаивали на необходимости заключения крупной сделки именно с французским правительством, считая, что «прямая связь с военным министерством, Генштабом и казёнными военными заводами имеет в политическом аспекте некоторый — и весьма ощутительный — преферанс перед сделкой со Шнейдером». Довгалецкий сообщал: «Если, как к этому следует стремиться всеми силами, из переговоров тов. Симонова проистечёт серьёзный заказ, то он нас свяжет с французским военным ведомством на длительный срок — возможно, от полутора до двух лет, и может явиться предпосылкой для дальнейших связей»³⁷.

Иными словами, заключая крупный контракт на поставку французских вооружений, СССР, по мнению полпредства, добивался успеха сразу на нескольких направлениях. Во-первых, возникал стабильный фундамент для развития отношений, нивелировавший политические и идеологические факторы. Во-вторых, советская сторона вступала в непосредственные отношения с военной верхушкой. В-третьих, это создавало основу для дальнейшего расширения влияния во Франции, в частности в среде торгово-промышленных элит. Дипломаты не могли не ухватиться за столь удачную возможность.

Переговоры, которые вёл в Париже Симонов, сопровождались активным проникновением советских представителей в высшие военно-политические круги страны. Эмиссара Москвы хорошо отрекомендовали советские дипломаты. Даладьё санкционировал его встречу со своим заместителем Г. Ля Шамбром, который заявил, что «рад видеть у себя представителя советской армии», что военное министерство не только не препятствует нашим переговорам, но наоборот, готово, чем нужно, помочь и что в частности сам министр (Даладьё) взялся за это дело»³⁸. Симонова принимали официально, с соблюдением всех протокольных требований. Его переговоры с заместителем министра проходили в здании министерства, в присутствии чинов ведомства. Как сообщал он заместителю наркомвоенмора М.Н. Тухачевскому, курировавшему его миссию, «прием внешне был обставлен соответственно», что не давало никакого повода для недовольства.

В ходе переговоров с Даладьё и Ля Шамбром Симонов поднял вопрос о перспективах сотрудничества двух армий. Французской стороне было сообщено об имеющемся у советского представителя «попутном поручении» осмотреть поля сражений Первой мировой войны, однако не с познавательной, а «с чисто военной точки зрения». В военном министерстве благосклонно отнеслись к этой просьбе и выделили сопровождение из нескольких офицеров. Симонов

³⁵ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 11.

³⁶ Carley M.J. A Soviet eye on France... P. 311.

³⁷ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 13 об.

³⁸ РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 15.

особо отмечал успех на этом направлении: «Сам факт, что официальное лицо высшего начсостава нашей армии сопровождает официально выделенные офицеры французской армии, по моему мнению, имеет большое значение, как первый случай установления непосредственной связи с французской армией»³⁹.

В ходе бесед Симонов приходил к мысли, что далеко не весь французский генералитет настроен антисоветски. В письме Тухачевскому он специально привёл характеристику Вейгана, которую в разговоре с Розенбергом дал военный министр: «Даладьё считает, что напрасно мы расцениваем Вейгана как самого активного нашего противника. По словам Даладьё, Вейган не такого уж высокого мнения о военных доблестях поляков, и с другой стороны он очень “почтительно” и серьёзно относится к Красной армии... дело не столько в самом Вейгане, сколько в его ближайшем окружении, в “политиканствующих генералах”, как выразился Даладьё»⁴⁰. Всё это давало Симонову основание считать, что в целом путь к развитию контактов между РККА и французской армией открыт.

Переговоры, которые вели в Париже советские дипломаты и сам Симонов, привели к важным результатам. 7 января в военном министерстве эмиссару Наркомвоенмора сделали окончательное коммерческое предложение о покупке у правительства Франции и у отдельных фирм при его посредничестве новейших артиллерийских систем. Речь шла о 24 батареях зенитных орудий калибром 75 мм с комплектующими стоимостью около 300 тыс. руб. каждая. Все предварительные испытания предлагалось провести на полигонах французской армии. В большом письме, адресованном Сталину, Молотову и Ворошилову, Симонов высказался за принятие этого предложения. Понимая, что приходится преодолевать глубоко засевшую подозрительность советского руководства в отношении руководства западных стран, он особо подчёркивал, что французы, по его мнению, не ведут двойную игру. Их мотивы понятны: стремление заработать, но в первую очередь — желание помешать советско-германскому сотрудничеству. «Намерения французского правительства в данном вопросе не случайны, и нет оснований здесь опасаться какой-либо провокации». Для Москвы же французское предложение представляло большой интерес с точки зрения «политического значения этого факта». Оно позволило бы установить связь с Генштабом, который при «частой смене кабинета остаётся единственным постоянным директивным органом», а через него — и со всей армией. Здесь также можно было наладить контакт «со всей ведущей военной промышленностью Франции».

Симонов брался выторговать более выгодные условия по контракту, однако настаивал на выделении дополнительных средств — минимум 3 млн руб., хотя «лучше было бы исходить из суммы в 6 млн руб.». Номенклатуру предназначенных для закупки образцов военной техники он предлагал расширить, не ограничиваясь только артиллерийскими системами: «Этой ценой можно заставить приоткрыть ворота французской военной промышленности и армии»⁴¹.

Как это расценили в Москве? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо взглянуть на ход и итоги миссии Симонова с точки зрения, отличной от позиции самого представителя Наркомвоенмора, а также советских дипломатов в Париже. В письме Литвинову от 1 января 1933 г. Розенберг отмечал,

³⁹ Там же, л. 14.

⁴⁰ Там же, л. 12.

⁴¹ Там же, л. 25—26.

что активизация контактов по военной линии «целиком соответствует взглядам наших руководящих товарищей»⁴², однако эта оценка требует важных пояснений. Советское руководство придавало большое значение поездке Симонова, однако, помимо задач общего зондирования военно-политических кругов, ставило перед ней конкретные цели — в первую очередь переговоры с фирмой «Шнейдер—Крез» о возможности приобретения образцов дивизионной артиллерии в рамках программы размещения импортных заказов для нужд армии в 1933 г. Показательно, что решение Политбюро об отправке миссии Симонова оказалось оформлено одним протоколом с поездкой начальника Управления моторизации и механизации РККА И.А. Халепского в США для покупки чертежей танка Кристи⁴³.

Симонов вышел за пределы первой задачи и практически не справился со второй. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить содержание его писем Тухачевскому до приезда во Францию и отчётов, направленных непосредственно из Парижа. 22 декабря, находясь ещё в Берлине, но уже получая информацию из Франции по телефону, он писал Тухачевскому исключительно о трудностях в переговорах с «Шнейдер—Крез» и при этом оговаривался: «Что касается путей, которыми пойду в Париже, пока сказать трудно, надо лично ориентироваться в обстановке»⁴⁴. Иными словами, накануне приезда Симонов не собирался подключаться к переговорам на уровне правительства и не поднимал вопроса о поиске альтернативных каналов закупки образцов вооружения.

При этом он достаточно скептически относился к участию в этом деле работников полпредства и торгпредства СССР: «У меня сложилось впечатление, что Гуревич недостаточно активен в нашем вопросе... Поэтому было бы весьма желательно, если бы Гуревичу была дана теперь же телеграмма от Вас или от кого найдёте нужным максимально обеспечить мою работу и лично принять участие в ней. Вероятно, что в дальнейшем потребуются указания Москвы нашему посольству в Париже о предпринятии некоторых шагов в правит[ельственных] сферах».

Активное вовлечение Симонова в переговоры, которые быстро вышли за рамки диалога с «Шнейдер—Крез», происходило по мере всё более интенсивного участия в них советских дипломатов в Париже. Как видно из письма Тухачевскому от 31 декабря 1932 г., консультации во французских политических кругах были начаты Розенбергом и Гуревичем по собственной инициативе, после простого обсуждения с Симоновым⁴⁵. За несколько дней они успели поговорить с Даладье, А. Де Монзи, П. Котом, И. Дельбосом, сообщив им о миссии, которая подготавливалась в Москве как секретная. После знакомства с поступившими из Парижа отчётами её руководителя у советских руководителей могло сложиться впечатление, что Симонов (по словам Розенберга, «не знакомый с условиями зарубежной работы»⁴⁶) отдал инициативу в руки дипломатов, которые недопустимо расширили круг обсуждаемых вопросов.

Отношения между советскими дипломатами в Европе и партийным руководством в Москве всегда оставались простыми. Это проявлялось во всём, начиная с трений между сотрудниками полпредств и партработниками и за-

⁴² АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 10.

⁴³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 14, л. 27.

⁴⁴ РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 4.

⁴⁵ Там же, л. 16.

⁴⁶ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 2.

канчивая разногласиями по принципиальным вопросам внешней политики⁴⁷. Дипломаты в силу многолетнего опыта жизни во Франции, рабочих и личных связей, чувства профессиональной заинтересованности в улучшении взаимоотношений между двумя странами, ориентировались на углубление двусторонних связей: «Наркоминдел хотел сотрудничать с Западом, а не разрушать его»⁴⁸. В 1932—1933 гг., на волне отхода от идеи мировой революции, о разрушении говорили всё меньше, однако подозрение в отношении Запада, стремление воспользоваться им⁴⁹, чтобы ещё сильнее обособиться от него, сохранялось.

Работники полпредства достаточно откровенно писали в Москву об особой заинтересованности в достижении максимально возможного результата по итогам миссии Симонова и опасениях того, что она может окончиться ничем. «Надо ковать железо пока оно горячо. Разумеется, нам нужно купить только то, в чём мы действительно нуждаемся, и на сходных условиях. Было бы буквально катастрофой, если бы из переговоров ничего не вышло, и если бы в частности мы дали бы основание французам заподозрить и обвинить нас в неискренности и в том, что нами руководили только чисто разведывательные соображения и цели»⁵⁰, — сообщал Крестинскому Розенберг. Иными словами, он допускал, что ожидания от миссии могли не совпадать с тем, что хотели получить дипломаты в Париже. С одной стороны — конкретные коммерческие переговоры в рамках строго определённого поручения с попутными задачами зондажа и сбора информации. С другой — стремление максимально расширить поле сотрудничества СССР и Франции с соответствующим усилением влияния полпредства.

Советское руководство не могло не сопоставлять сведения, получаемые от Симонова, с информацией Островского, который в то же время вёл осторожные переговоры на предмет налаживания контактов в военной среде как одного из фундаментов нормализации межгосударственных отношений. Размах деятельности Симонова мог смутить Москву. С подачи полпредства он вступил в многочисленные контакты с лицами, которые хотя и имели официальный статус, но не принимали окончательных политических решений. К подобного рода связям в Кремле относились с подозрением. В июне 1932 г. полпред в Японии А.А. Трояновский начал неофициальные переговоры с лицами, связанными с военно-промышленными кругами Токио. Предметом диалога являлась возможная компенсация СССР за использование японцами КВЖД. Политбюро резко осудило поведение полпреда, нарушившего директивы руководства. Сталин отметил, что Трояновский «разводит отсебятину»⁵¹.

15 января 1933 г., накануне своего отъезда на родину, Симонов имел обстоятельную беседу с де Латром, организованную для него Островским. Её суть изложена в записке, поданной полковником Вейгану⁵². Первое, что бросается в глаза — полное отличие тональности заявлений Симонова от тех выводов, которые он делал в докладах Москве. Эмиссар посетовал собеседнику, что так и не смог встретиться с кем-то из первых лиц военно-политического руководства

⁴⁷ *Dullin S.* Des hommes d'influences... P. 97—108.

⁴⁸ *Carley M.J.* A Soviet eye on France... P. 298.

⁴⁹ *Pons S.* Stalin and the inevitable war, 1936—1941. L., 2002. P. X—XI.

⁵⁰ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 13 об.

⁵¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 192—193.

⁵² *De Lattre de Tassigny J.* Ne pas subir... P. 137—139.

Франции. Официальные лица военного министерства, сопровождавшие его, оказались малокомпетентными. Офицер, которому поручили вести переговоры о продаже СССР военной техники, действовал как «ответственный за ликвидацию старых запасов».

Французы, по словам Симонова, не собирались передавать советской стороне современное оружие: «Хотя Ваша сдержанность в этом вопросе нам кажется вполне логичной, но мы бы хотели, чтобы нам её откровенно объяснили и чтобы к представляемому нами народу в 170 миллионов человек не относились как к какому-то “Перу”, которому хотят сбагрить старый хлам». Замечание де Латра о том, что советская миссия не подготовлена соответствующим образом на официальном уровне, Симонов парировал тем, что сам факт приезда во Францию представителя СССР в ранге заместителя начальника Главного артуправления армии, требует соответствующего к нему отношения со стороны властей. «Я должен признаться, — добавил Симонов, — что, в то время как мы уже несколько недель протягиваем Вам руку, французское общественное мнение и, очевидно, французский генеральный штаб, по-видимому, сохраняют большое недоверие к нам».

Советский эмиссар отмёл утверждение де Латра, что подобное отношение (сам факт которого полковник не стал оспаривать) связано с многолетним военным сотрудничеством между СССР и Германией: «Моё правительство поручило мне изыскать возможность, чтобы объяснить членам французского военного руководства, что все доходящие до Вас сведения о влиянии германского генерального штаба на нашу армию, о нашем военном союзе и общности военных целей с Германией, не соответствуют действительности». «Пошлите к нам военных атташе, пошлите к нам благожелательно настроенных людей, которые бы приехали и увидели, что мы делаем и насколько мы нуждаемся в помощи», — попытожил Симонов. Этот обмен мнениями де Латр оценил как тревожный знак того, что отсутствие реакции на инициативы советской стороны может иметь неблагоприятные последствия для дальнейшего диалога Москвы и Парижа.

Чем объясняется столь резкое изменение переговорной линии советского представителя? Об этом можно судить лишь косвенно. В начале января Симонов на короткое время посетил Москву для получения дополнительных инструкций, однако речи о скором возвращении миссии, судя по его последнему отчёту от 9 января, тогда не шло. Тем не менее уже через неделю Симонов встречался с де Латром, имея на руках вызов на родину, что фактически предполагало прекращение всех контактов во Франции, которые стараниями советских дипломатов зашли достаточно далеко. Логично предположить, что смена тональности в переговорах объяснялась указаниями, полученными из Москвы. На это указывает и факт присутствия на встрече с де Латром Островского. Внезапный отзыв миссии свидетельствовал скорее о недовольстве советского руководства, чем о его согласии с предложениями, озвученными представителем Наркомвоенмора. Основная цель поездки — закупка артиллерийских систем у «Шнейдер—Крезю» — достигнута не была. Техника, которую французское правительство предложило взамен, Москву не устроила. Встретиться с кем-то из высшего военно-политического руководства Симонову не удалось. Перехватившие у него инициативу дипломаты создали у французов впечатление, что именно Советы заинтересованы в интенсификации военных контактов и, вероятно, дали де Латру дополнительные основания именно в таком свете пред-

ставить ход дел Вейгану. Именно этого Островский пытался избежать в ходе переговоров осенью—зимой 1932—1933 гг.

Однако у советского руководства имелись и другие причины быть довольным Симоновым. 14 января на стол Сталина легла записка, поданная заместителем председателя ОГПУ Г.Е. Прокофьевым и начальником иностранного отдела ОГПУ А.Х. Артузовым. Из неё следовало, что Симонов «активно разрабатывается французской контрразведкой»⁵³. Сообщалось, что посредник в переговорах с фирмой «Шнейдер—Крезю», привлечённый эмиссаром Наркомвоенмора, в действительности работал на французские спецслужбы. В личных беседах Симонов «выболтал» ему ряд важных сведений — в частности, что советско-германские отношения, перспективы которых особенно волновали французов, развиваются вполне динамично: «С Германией, разумеется, продолжаются лучшие отношения. Несмотря на наличие кабинета баронов и генералов, несмотря на борьбу с внутренними коммунистами, ничто не препятствует сохранению и выполнению до конца Раппальского договора и всех последующих экономических, военно-технических и просто военных конвенций... Разумеется, главным противником, который должен быть сокрушён, является Франция. В успехе такого предприятия для него (Симонова) нет никаких сомнений»⁵⁴. Компрометировала Симонова и констатация собеседников, что «следов коммунистического мирозерцания в нём заметно мало».

Вопрос о том, насколько эта информация соответствовала действительности, остаётся открытым, однако сам факт её появления не мог не встревожить склонное к подозрительности высшее руководство СССР. Симонов спешно отбыл на родину, прервав все переговоры, что вызвало весьма болезненную реакцию в полпредстве. 27 января Довгалецкий писал Литвинову: «Решение, принятое по делу о военных заказах, сводящееся к отзыву комиссии и отсрочке решения на один—полтора месяца, поставило нас в положение, при котором превзойдены наши худшие опасения... Подобный уход со сцены... является, мягко выражаясь, крайне неудобным, отразится на отношении к нам со стороны правительства, уже не говоря о реакции в кругах Генштаба, может отразиться на разрешении вопроса об обмене военными атташе и т.п.». Розенберг, в свою очередь, опасался, что во Франции миссию Симонова расценят как «простую шпионскую вылазку при участии немцев». «Мы рассчитываем на то, что НКВД поставит перед инстанцией вопрос о пересмотре принятого решения»⁵⁵, — настаивал он.

Конструкция, возведённая советскими дипломатами в Париже как основа для возобновления межгосударственных отношений, рушилась. Розенберг, впрочем, не оставлял надежд поправить ситуацию. 11 февраля он писал Тухачевскому: «Нам удалось разными источниками установить, что тов. Симонов оставил о себе отличное впечатление, его считают умным человеком, большим знатоком своего дела и т.п., причём это мнение как аппарата Военмина, так и Шнейдера. Мы Вам сообщаем об этом на тот случай, если у Вас будет решаться вопрос о том, кого сюда послать — если, конечно, на всём этом деле не будет вообще поставлен крест». В переписке с руководством НКВД дипломат настаивал на необходимости заключения сделки на французских условиях: «Если мы предполагаем отвалить на Францию какие-нибудь 200—300 тыс. руб., то, уже

⁵³ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 431, л. 163.

⁵⁴ РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 75.

⁵⁵ АВП РФ, ф. 05, оп. 13, п. 94, д. 70, л. 22—23.

не говоря о том, что мы зря ломались с этим делом к правительству, незачем тянуть с вопросом, так как с таким предложением одинаково неудобно будет выступить как сегодня, так и через полтора месяца. Не упускайте также из виду, что цифра в 1 млн руб. плюс 3—4 млн на оборудование военной промышленности, привезённая тов. Симоновым, не только “воодушевляла” здесь все наши действия, но и фигурировала также в разговорах с французами»⁵⁶.

Ответ Тухачевского не оставлял сомнений, что итоги миссии Симонова в Москве оценили достаточно сдержанно. Он дезавуировал утверждение Симонова о выделении ему 1 млн руб. на закупку военной техники: «Первоначально хотели твёрдо зафиксировать 500 000 р., но в дальнейшем было высказано пожелание подождать результатов американской поездки т. Халепского, чтобы решить вопрос, имея на руках все данные о возможных закупках». На проблему военно-технического сотрудничества с Францией в Москве смотрели прагматично и оказались не готовы на большие траты ради перспектив, очерченных эмиссаром Наркомвоенмора, а также советскими дипломатами: «Сейчас было бы преждевременно как-либо жать в направлении начатого т. Симоновым дела и потому было решено вызвать комиссию для доклада»⁵⁷.

История миссии Симонова дополнительно раскрывает мотивы, которые двигали советским руководством в конце 1932 — начале 1933 г. в ходе переговоров об активизации военного сотрудничества с Францией. Фактически речь шла о налаживании каналов поступления информации и базового взаимодействия с целью изучения возможностей дальнейшего углубления сотрудничества. При этом существовали важные ограничения. Чрезмерная активность в контактах с политическими кругами, сам факт которой создавал определённые обязательства, предложения о заключении особо крупных контрактов, влѣкшие за собой смещение внешнеполитических акцентов или формировавшие подобное мнение у общественности и элит западных стран, рассматривались как нежелательные. Неизменно важным считалось избежать впечатления, что именно советская сторона заинтересована в развитии двусторонних военно-политических связей.

Островский проводил эту линию в контактах с французами. В начале февраля 1933 г. они получили дополнительный импульс после прихода к власти в Германии нацистов. В беседе с советским представителем 6 февраля де Латр «выразил огорчение, что события в Германии пришли слишком рано (“до того, как мы успели нормализовать окончательно наши отношения с Россией”»». В ответ Островский намекнул, что мяч находится на французской стороне: «Исторические события никогда не происходят слишком рано, а политики, случается, действуют с значительным опозданием, а между тем управлять — значит предвидеть». Он специально подчеркнул, что СССР не будет в одностороннем порядке форсировать переговоры: «Над нами не каплет, мы можем подождать». Присутствовавший при разговоре сотрудник де Латра ответил, что «мы ждать не имеем права»⁵⁸.

В начале февраля вошли в активную фазу переговоры об обмене военными атташе. 17 февраля коллегия НКВД, очевидно, оформляя решение Политбюро ЦК ВКП(б), постановила принять предложение французского правительства⁵⁹.

⁵⁶ Там же, л. 25—26.

⁵⁷ РГВА, ф. 33988, оп. 3а, д. 299, л. 83.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 432, л. 56—57.

⁵⁹ АВП РФ, ф. 0136, оп. 17, п. 159, д. 7, л. 58.

Инициатива, таким образом, принадлежала французам: с ней от лица своей страны выступил посол М. Дежан. Принципиальное согласие Кремль дал, но советская сторона выдержала паузу. Де Латр отметил это обстоятельство, информируя 22 февраля Островского о благополучном исходе переговоров⁶⁰. Полковник и его единомышленники, тем не менее, считали, что добились большого успеха. В мае в Париж прибыл военный атташе комбриг С.И. Венцов.

Таким образом, советско-французское военное сотрудничество, стартовавшее в конце 1932 — начале 1933 г., несло на себе отпечаток тех же противоречий, что и сближение двух стран в политической сфере. Ограничения, стоявшие перед французской стороной, обуславливались удалённостью территории СССР от потенциального театра военных действий в Центральной Европе, его напряжёнными отношениями с Японией, неуверенностью в боеспособности РККА, недоверием к Советам и их идеологии. Однако советская сторона также имела ограничения. Реальный военный союз с Францией или превращение Парижа в первого военного партнера в Европе вместо Германии, как показывает анализ документов, не стояли на повестке дня.

По-видимому, недоверие к буржуазному правительству было не меньшим, чем неприятие французскими политическими кругами большевизма с его разрушительной идеологией. После назначения Литвинова на пост наркома иностранных дел и перехода к политике нормализации отношений с Западом оно смягчилось, приняло скрытые формы, однако не исчезло и сопровождало все попытки активизации двусторонних военных контактов вплоть до начала Второй мировой войны.

Как и во Франции, в СССР вопрос сближения двух стран в военной сфере стал объектом дискуссии на уровне лиц, принимавших основные внешнеполитические решения. Советские дипломаты в Париже, считавшие сближение с Францией приоритетом, рассматривали его как способ активизировать этот процесс и вывести его на качественно новый уровень. Сталин и действовавший от его имени Ворошилов оценивали проблему иначе. Советский лидер «не был полностью привержен какой-либо одной внешнеполитической линии, будь то “умеренной” или “радикальной”. Его личная власть основывалась на развитом прагматизме, отсутствии видимой политической последовательности, готовности поддержать различные взгляды в разные моменты времени... Как кажется, единственной рациональной целью Сталина было избежать ситуации, при которой чёткий набор политических альтернатив ограничил бы его независимость в процессе принятия внешнеполитических решений»⁶¹.

Выбор в пользу полноценного соглашения с Парижем, имеющего военную составляющую, создавал бы именно такое положение дел. Обмен военными атташе и начало двустороннего сотрудничества в военной сфере потенциально могли бы помочь делу сохранения мира в Европе. Однако значение этого события не следует преувеличивать. Его возможный положительный эффект сдерживался воззрениями военно-политических элит Советского Союза и Третьей республики на ситуацию в мире и место своих стран в нём. Военной дипломатии окружения генерала Вейгана и доверенных лиц Ворошилова преодолеть эти ограничения было не под силу.

---

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 432, л. 61.

⁶¹ Pons S. Stalin and the inevitable war... P. XII.